

Сергей Шаповалов

**Император. Книга
вторая. Ушаков**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.6
ББК 84(2)6
Ш24

Шаповалов С. А.

Император. Книга вторая. Ушаков / Шаповалов С. А. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 237 с.

ISBN 978-5-532-93135-0

Вторая книга романа "Император" рассказывает о героическом походе Черноморского флота под предводительством знаменитого адмирала Федора Ушакова в Средиземное море. Освобождение Ионических островов. Героическая битва за остров Корфу. Молниеносный бросок и освобождение Рима.

ISBN 978-5-532-93135-0

© Шаповалов С. А., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

На юг	4
Одесса	8
Севастополь	13
К турецким берегам	45
Цериго	78
Занте	86
Кефалония	98
Остров Святой Мавры	108
Али-паша	114
Корфу	149
Штурм	198
Италия	216

На юг

Я тащился на перекладных по раскисшим весенним дорогам. Путь лежал на юг через всю Россию-матушку. Вёз с собой кожаный портфель, набитый бумагами. На портфеле стояла гербовая печать. Внутри лежал новый морской устав и рескрипты для адмиралов от Адмиралтейств-коллегии, а также письма для генерал-губернатора Киева.

По пути заглянул на пару деньков к матушке в Новгородскую губернию. Несказанно обрадовал её. Матушка немного постарела, но оставалась как прежде: живой, с гордой осанкой и добрыми лучистыми глазами. Её старенькое синее платье как всегда было идеально отглажено. Белоснежный чепец накрахмален. Кружева на манжетах и воротнике расправлены. Мы сидели в нашей горнице с небогатой обстановкой и долго разговаривали. Героические предки смотрели на нас с портретов, казалось, внимательно слушали наш разговор. Потемневшие иконы в красном углу слабо озаряла лампадка. Я рассказывал матушке о службе, о Петербурге, о своих новых друзьях и знакомых.

Она все охала: «Да как же это, к самому государю на службу? Быть такого не может! И ты уже в лейтенантах? Жаль, отец не дожил. Вот бы он гордился!» Дверь распахнулась, ввалились братья гурьбой. Крепко обнял всех. Каждому привёз подарок. Ну и подросли же они! Уже, как прежде, за озорство им уши не надерёшь – могут и ответить. Старшие: Александр и Никита крепкими стали, высокими. Вслед за мной на службу собрались; все расспрашивали: куда им податься, да в какие полки? Могу ли я им рекомендации дать? Младший, Михаил, Мишутка, вцепился мне в шею и не желал отпускать. Еле его уговорили. Потом уселся ко мне на колени и все разглядывал мой мундир, вертел пуговицы, водил пальчиками по галунам.

Сели обедать. Я не спеша хлебал щи деревянной ложкой, попутно растолковывая братьям все превратности армейской службы. Они внимательно слушали, не перебивали. А мама не отводила от меня взгляда. Вдруг всплакнёт и отвернётся.

Матушка, ну что вы, право! Что случилось? – спрашивал я.

– Ничего, – улыбалась она сквозь слезы. – Ты кушай, да рассказывай. Не обращай на меня внимания. Просто, я гляжу на тебя и удивляюсь: до чего же ты на отца стал похож.

Пришли наши мужики, поглядеть на барина. Человек пять, старших нерешительно потоптались в сенях, после на цыпочках вошли в горницу, поздоровались, низко поклонившись. Сели в угол к печи. Луша, наша горничная, подала им чай с баранками. Конюх Илья, рябой, рыжебородый здоровяк, все шептал остальным:

– Я ж барина вот таким помню, – и показывал заскорузлой ладонью, сколько вершков от земли я тогда был. – На коня его впервые посадил, он совсем махонький был. А сейчас – гляди! Ну – вылитый отец, царство ему небесное, благодетелю.

И мужики тут же дружно крестились на иконы.

Дети и молодые девки облепили окна, стараясь разглядеть, что же там твориться в барском доме?

– Луша, – сказала мама, – надо бы вечером праздник устроить. Стол в саду накрыть, да соседей пригласить. Когда ещё Семён к нам заглянет?

* * *

Простившись с родными, продолжил путь. Ехал через Витебск и Гомель. Добрался до Киева, где сдал часть писем в канцелярию. Хотел тут же отправиться вновь, но генерал-губернатор потребовал меня к себе.

Гудовичу, Ивану Васильевичу уже минуло пятьдесят, но он не терял военную выправку. Был свеж и опрятен. Принял меня в обширном кабинете. Пристально окинул мой мундир тяжёлым взглядом из-под нависших густых бровей.

– Вам идёт прусский покрой, лейтенант, – сказал зычным голосом.

Предложил чаю. Задал мне не меньше сотни вопросов о столичных делах, об императоре, о его окружении. Внимательно слушал ответы, кивал, иногда что-то быстро записывал карандашом на сером листе бумаги.

Я раньше много слышал о Гудовиче. Личность легендарная. Имел отличное образование. Учился в Кёнигсбергском и Лейпцигском университетах. Остался верен присяге, когда Екатерина Великая свергла Петра Голштинского. За то был арестован, но вскоре оправдан. Отличился в Турецких войнах, как отважный и умелый командир. Недавно вышел в отставку, но Павел Петрович потребовал, чтобы он вновь вернулся на службу, и назначил Гудовича на должность главы Киева. По духу – бунтарь, но чести соей ни разу не запятнал, а верность данному слову ценил превыше всего.

В конце он меня поблагодарил за рассказ. Быстренько начеркал письмо адмиралу Ушакову.

– Вам повезло, – сказал он прощаясь. – Вы увидите великого человека. Наша с вами история канет в Лету, а Ушакова будут славить многие поколения, уж поверьте мне.

Вновь на юг в почтовой карете. Через Белую Церковь по унылым степям. В Умани примкнул к военному обозу. Около сотни фур под охраной двух эскадронов жандармов следовали к Хаджибею. Теперь на месте Хаджибея возводили новый город – Одессу, – так мне объяснил румяный майор интендантской службы. Узнав, что я из Петербурга, да ещё следую к самому Ушакову, уговорил меня перебраться с почтовых в его обоз. Я и не прочь. Всё веселее коротать дорогу. Пыльные, тесные почтовые кареты уже надоели до чёртиков. А тут и верхом прокатишься, и в фуре выплещешься на мешках с зерном. И кормили обозных отлично. Ночевали лагерем в степи. Разводили костры под низким звёздным небом. Благо, весна в Новороссии тёплая, мягкая.

На рассвете третьего дня моего путешествия с обозом я почувствовал какой-то новый запах, необычный, солёный, свежий.

– Чуешь, Семён Иванович, морем дхнуло? – сказал майор радостно. – Это наше, Русское море так пахнет. Ваше, Балтийское, так не дышит. Я знаю, бывал в Питере.

– Далеко ещё?

– Завтра увидим лиманы.

Вечером на очередном привале, у костра я спросил майора:

– Вот, смотрю: мы едем который день, а кругом степи безлюдные. Неужели земля в этих краях непригодная?

– Как же! Земля здесь богатая. Вон, трава какая, выше человека, – показал он на степь.

– Так почему никто не живёт, не возделывает землю?

– Это все из-за набегов крымчаков да ногайцев. Уж сколько они эти края терзали, вот земля и обезлюдила. Кто же захочет здесь жить? Представь, человек трудится, живота не жалея: землю пашет, скот растит, детей рожает.... А тут нагрянут орды, все отберут, хаты пожгут, да пахарей на невольничий рынок уведут. Спасибо матушке Екатерине, да Светлейшему князю Потемкину: нынче усмирили крымчаков и ногайцев наказали – больше не суются сюда.

Погоди, Семён Иванович, ещё расцветёт Малороссия.

Одесса

– Смотрите, смотрите же, Добров! – закричал майор, размахивая руками.

Мы совершали конную прогулку, пока обоз с трудом взбирался на очередной крутой подъем. Под майором была шустрая кобылка, и он первым оказался на вершине холма. Я подскакал к нему и замер, не в силах что-либо вымолвить. Впереди раскинулась стеклянная гладь светло-голубого нежного оттенка. Она уходила к горизонту, постепенно темнея, где-то далеко у виднокрая образуя почти чёрную грань, на которую тонким прозрачным куполом опирался хрустальный колпак неба. Картина до того очаровательная, что казалась нереальной. Глубокий, полный спокойствия мир, со своими тайнами и причудами. Попробуй-ка, разгадай его!

– Ну, что я вам говорил? – радостно воскликнул майор, стараясь перекрыть ветер. – Это вам не Балтика. Это – Русское море!

* * *

Город только закладывался. Город – одна огромная стройка. На скалистом берегу теснилось поселение: деревянные бараки, косые мазанки, а дальше, вглубь материка размечены фундаменты будущих домов. Кругом стопки строительного камня, досок, брёвен. Небо коптили кузнечные горны и смоловарни. У пирсов в гавани множество кораблей. Мачты, снасти – словно лес. Нагруженные возы еле тащились, запрудив все проезды. И кругом суетился мастеровой люд. Визжали пилы, стучали молотки, скрипели лебёдки. Пахло известью, углём, горячей смолой и свежей древесиной.

Мы расстались с майором интендантской службы. Он повёл обоз к небольшой крепости, возвышавшейся над гаванью, а я отправился в торговую часть города искать коменданта. Мне указали небольшой каменный дом в два этажа с портиком и львами у входа. Я доложил адъютанту, что прибыл с пакетом из Петербурга. Меня тут же провели в дом.

– Ка-ак, вы уже лейтенант? – узнал меня Иосиф Михайлович де Рибас, расплываясь в широкую, белозубую испанскую улыбку. –

Сейчас то вы нам все расскажете: что там у вас в Петербурге творится. Говорят – ужасы сплошные: круглые шляпы запретили, за жилеты порют прилюдно, все ведомства с пяти утра работают...

Военный комендант Одессы пил чай в просторном светлом кабинете. Он был в безупречном зелёном сюртуке. Парик с буклями идеально напомажен. За круглым столом, устланным белой скатертью, помимо самого де Рибаса находился ещё один человек, генерал, лет сорока пяти. Он представился, как военный инженер, Франц Павлович де Воллан. Что-то совиное было в его облике: скучающее выражение лица, хищный нос, глаза немного навывкат. Парика он не носил. Мундир, хоть и генеральский, но скромный.

– Константин, – окликнул Иосиф Михайлович слугу, грека. – Поставь ещё один чайный прибор. – Вновь обратился ко мне: – Как здоровье императора?

– Император весь в делах, – ответил я, присаживаясь на скрипучий стул, обитый красным атласом. – Везу адмиралу Ушакову поправки к морскому уставу.

– Ушакову? Поправки? – усмехнулся Иосиф Михайлович. – Ох, быть конфузу.

– У адмирала свой устав. Он – человек тяжёлый и непреклонный, – объяснил тихо генерал да Воллан.

– Указы императора нельзя обсуждать, – напомнил я.

– Верно, – согласился Иосиф Михайлович. – Только видите ли, с турками война особая. Это не в Европе. Ждать от турок благородных поступков, то же самое, что ждать милосердия от голодных шакалов. Посему иногда приходится действовать супротив всех уставов.

Передо мной появилась чашечка с блюдечком из тонкого фарфора с греческим орнаментом. Тарелка с горячими булками и ваза с фруктами.

– Попьём чайку, а после, перед обедом, сходим, посмотрим, как пристань строится. Я вам все покажу. Погодите, – нетерпеливо вскочил де Рибас. – Пойдите сюда. – Он подвёл меня к широкому окну, отдернул тяжёлую бархатную портьеру. – Полюбуйтесь: что за вид!

Действительно, панорама открывалась чудная. Передо мной растянулось бескрайнее море, и была видна прибрежная полоса, на которой шумела грандиозная стройка.

– Поглядите: – вот там будет порт. Здесь возведут дворцы, – указывал де Рибас. – А вдоль набережной посадим аллеи. Вы не представляете, какой красивый город будет стоять на этом месте. Он вберёт в себя лучшие традиции европейской архитектуры и, в тоже время, органично впитает античный стиль. Здесь будет шуметь торжище, разгружаться корабли с колониальными товарами. Расцветёт буйным цветом искусство и ремесло. На улицах зазвучит разногласная, разноречивая речь. Ах, что за город! Мечта! Я вам все подробно покажу! Мы с Францем Павловичем продумали все до последней детали. И обязательно в Одессе будет лучший в Европе театр.

Пока я пил ароматный крепкий чай, де Рибас распечатал конверт с рескриптом от императора. По мере чтения лицо его приобретало растерянное выражение. Он морщил лоб, стараясь глубже вникнуть в суть написанного, фыркал, раскрывал рот, как будто хотел кому-то задать вопрос...

– Интересно, – задумчиво произнёс он, нервно покусывая нижнюю губу.

– Неприятности? – осторожно спросил Франц Павлович, отставив в сторону чашку с недопитым чаем.

– Неприятней некуда, – ответил де Рибас, кладя письмо на стол меж блюдца и креманок с вареньем. – Нас с вами, Франц Павлович, вызывают в Петербург.

– С отчётами?

– Хуже, – он сделал жесты руками, как делают итальянцы, когда не понимают, что происходит. – Экспедицию по строительству города и порта приказано свернуть.

– Не может быть! – вскочил с места генерал Воллан. – Как это?

– Сам не могу уразуметь. Но вот, – он растеряно указал на письмо. – Закройте. Баста!

– Не понимаю. – Генерал Воллан схватил письмо, принялся читать. Лоб его покрылся испариной. – Но, позвольте! Столько про-